

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2009
XVIII**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
486
EXPRESS-ISSUE**

2009 № 486

СОДЕРЖАНИЕ

- 863-870 Оценка современного состояния популяций гнездящихся куликов в сельскохозяйственных районах Южного Приморья.
Е. А. ВОЛКОВСКАЯ - КУРДЮКОВА
- 870-873 Использование озёрными чайками *Larus ridibundus* специализированных движений лап при добывании корма на мелководье. А. Г. РЕЗАНОВ
- 873-875 О гнездовании удода *Upupa epops* в искусственных гнездовьях.
Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ, А. Ф. КОВШАРЬ
- 875-877 Гималайская завирушка *Prunella himalayana* на Западном Алтае. Б. В. ЩЕРБАКОВ
- 877-879 К статусу джека *Chlamydotis undulata* в России.
Б. М. ГУБИН
- 879-881 Современное распространение и некоторые черты экологии степной пустельги *Falco naumanni* на Южном Урале. А. В. ДАВЫГОРА
- 881-882 Линяющий серый журавль *Grus grus* на Нигуласком верховом болоте. А. ЛЕЙВИТС
- 882-883 Узорчатые полозы *Elaphe dione* в колонии береговушек *Riparia riparia* на Северском Донце.
В. П. БЕЛИК, В. В. ТРОФИМЕНКО
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

CONTENTS

- 863-870 Estimation of the modern state of nesting populations of waders in agricultural areas of southern Ussuriland. E. A. VOLKOVSKAJA - KURDIUKOVA
- 870-873 Using by black-headed gulls *Larus ridibundus* special movements of feet for taking food on swallow. A. G. REZANOV
- 873-875 On using artificial nest-sites by the hoopoe *Upupa epops*. N. N. BEREZOVIKOV, A. F. KOVSHAR
- 875-877 The Himalayan accentor *Prunella himalayana* in Western Altai. B. V. SHCHERBAKOV
- 877-879 On status of the houbara bustard *Chlamydotis undulata* in Russia. B. M. GUBIN
- 879-881 Modern distribution and some ecology patterns of the lesser kestrel *Falco naumanni* in the South Urals. A. V. DAVYGORA
- 881-882 The moulting common crane *Grus grus* in the Nigula peat bog, Estonia. A. LEIVITS
- 882-883 The Steppes ratsnake *Elaphe dione* in the sand martin *Riparia riparia* colony on Seversky Donetz. V. P. BELIK, V. V. TROPHIMENKO
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Оценка современного состояния популяций гнездящихся куликов в сельскохозяйственных районах Южного Приморья

Е. А. Волковская-Курдюкова

Государственный природный биосферный заповедник «Ханкайский»,
пр. Красного знамени, д. 101. кв. 156. Владивосток, Приморский край, 690014, Россия

Поступила в редакцию 2 июня 2009

Климатические условия Приморья, которые обуславливают такие особенности, как высокотравье на открытых участках и значительные колебания уровня рек из-за частых дождей, в целом не благоприятствуют популяциям куликов. Возможности широкого распространения и сравнительного благополучия ряда их видов на этой территории в современную эпоху возникли, главным образом, благодаря хозяйственной трансформации природных местообитаний (Назаренко 1999). Как в большинстве других регионов России, в аграрных ландшафтах Приморья характерными гнездящимися видами куликов являются чибис *Vanellus vanellus*, травник *Tringa totanus*, малый зуёк *Charadrius dubius*, перевозчик *Actitis hypoleucos*, менее распространены дальневосточный кроншнеп *Numenius madagascariensis*, поручейник *Tringa stagnatilis*, ходулочник, уссурийский зук *Charadrius placidus*, японский бекас *Gallinago hardwickii*. Характерной особенностью той природно-антропогенной среды, какую представляет сельскохозяйственный ландшафт, является высокая динамичность условий обитания, вызванная переменчивой природой социально-экономического фактора. С начала 1990-х годов в сельском хозяйстве Приморского края, как повсеместно в России, наблюдалось обвальное сокращение пахотных площадей и поголовья крупного рогатого скота, в результате чего было из использования и оказалось вовлечено в демулационные смены до 60% бывших сельхозугодий. В последние годы наблюдается обратный процесс, когда пустовавшие более 15 лет поля распахиваются и снова вовлекаются в севооборот. Но если восстановление объёмов пахотных земель за счёт залежей возможно в сравнительно короткие сроки, то для восстановления бывшего поголовья скота, по оценкам ряда специалистов, потребуется не менее 50 лет.

Особенностью большинства видов куликов является их резко отрицательное отношение к густым и высоким травостоям. Антропогенная дигрессия травостоя в результате угнетения растительности на пастбищах, распространения сорняков, в отдельных случаях — даже рас-

пашки, значительно расширяет площади гнездовых биотопов этих птиц. Однако дальнейшая интенсификация сельскохозяйственного производства имеет резко отрицательное значение. В результате реакция птиц этой группы на социально-экономический кризис в стране оказалась неоднозначной. В тех хозяйствах, где ранее имело место чрезмерная эксплуатация земель, резкий спад сельскохозяйственного производства привёл к восстановлению местообитаний и увеличению численности куликов. В других, где выпас скота был полностью прекращён, а пашни заброшены, снижение численности ряда их видов было катастрофическим (Мищенко и др. 2004; Свиридова 2004).

Наши исследования территориального распределения и гнездовой численности куликов в сельскохозяйственных районах Южного Приморья были сопряжены с прочими учётными работами, направленными на изучение населения птиц представленных здесь ландшафтных комплексов. Они проводились в 1999-2004 и 2008-2009 годах главным образом в Михайловском, Уссурийском, Надеждинском, Хорольском, Ханкайском, Спасском и Кировском районах (бассейны озера Ханка и реки Раздольной). Маршрутные учёты птиц осуществлялись без ограничения ширины учётной полосы, с последующим пересчётом данных на площадь через средние радиальные расстояния обнаружения (Равкин, Челинцев 1990). Общая протяжённость пеших маршрутных учётов, применимых специально к рассматриваемой группе, составила более 950 км.

Чибис *Vanellus vanellus*

Чибис принадлежит к числу наиболее обычных и широко распространённых видов куликов агроландшафта. В большинстве аграрно-освоенных районов Южного Приморья плотность населения этого вида, по-видимому, близка потенциальной ёмкости местообитаний и очень сходна с той, что наблюдается у него в агроландшафтах большинства районов Западной и Восточной Европы. В годы наших работ известные нам агрегации гнездящихся чибисов в сельскохозяйственном ландшафте насчитывали от 2 до 17 пар, наиболее часто 2-4 пары, наряду с этим довольно обычным было и одиночное гнездование. Средняя для агроландшафта плотность населения чибиса в восточной части Приханкайской низменности заметно варьировала в разные годы (в 2002-2009 гг.), изменяясь от 2.6 до 8.2 пар/км², составив в среднем 4.06 ± 4.57 ($\pm 1.96 \cdot S.D.$), в южной части Приханкайской низменности – от 0.19 до 7.4, в среднем 2.31 ± 6.05 пар/км². В северной части (бассейн реки Сунгача) в 2003 году учтено 0.7 пар/км². В Михайловском районе, на эрозионном платообразном Ханкайско-Раздольненском водоразделе, средняя для агроландшафта плотность населения также заметно варьировала в разные годы (2001-2006 гг.): от 1.1 до 9.6, в среднем составив

3.04±5.83 пар/км², в долине среднего течения реки Раздольной, в агроландшафте в окрестностях Уссурийска, в 2003 году учтено 3.1, на заросших полях старых торфоразработок у станции Кипарисово в 2006 году – 1.05 пар/км². Отмечена значимая положительная корреляция между численностью осевших на гнездование пар чибиса и количеством осадков в предшествующий гнездованию период (январь – первая половина апреля): $r = +0,78$, $P < 0.05$ для Михайловского района, $r = +0.91$, $P < 0.05$ для восточной части Приханкайской низменности. Однако чёткой зависимости между числом гнездящихся чибисов и степенью выгорания травостоя в естественных местообитаниях, обнаруженной рядом исследователей (Росляков 1980; Назаров 1996), в пределах агроландшафта нам обнаружить не удалось. В разных местообитаниях агроландшафта размах колебаний плотности населения чибиса в целом укладывался в пределы от 0 до 15.8 пар/км². В восточной части Приханкайской низменности определённой избирательности чибиса в отношении какой-либо категории местообитаний агроландшафта не выявлено, плотность населения в них была довольно сходна: от 0 до 5.5, в среднем 2.8 пар/км² – на заливных лугах; от 1.1 до 6, в среднем 2.85 – на суходольных лугах, пастбищах, сенокосах; от 1 до 6.1, в среднем 2.6 – на залежах; от 0.8 до 5.7, в среднем 2.4 – на суходольных полях; от 1.2 до 6.3, в среднем 1.7 – на рисовых полях. В Михайловском районе чибисы явно избегали селиться на участках многолетних залежей, которые здесь часто были сплошь заросшими густым высоким травостоем: от 1,8 до 9.4, в среднем 4.6 пар/км² – на суходольных Лугах, пастбищах, сенокосах; от 1.3 до 9.8, в среднем 4,1 – на суходольных полях; от 0 до 1.9, в среднем 1.0 – на залежах.

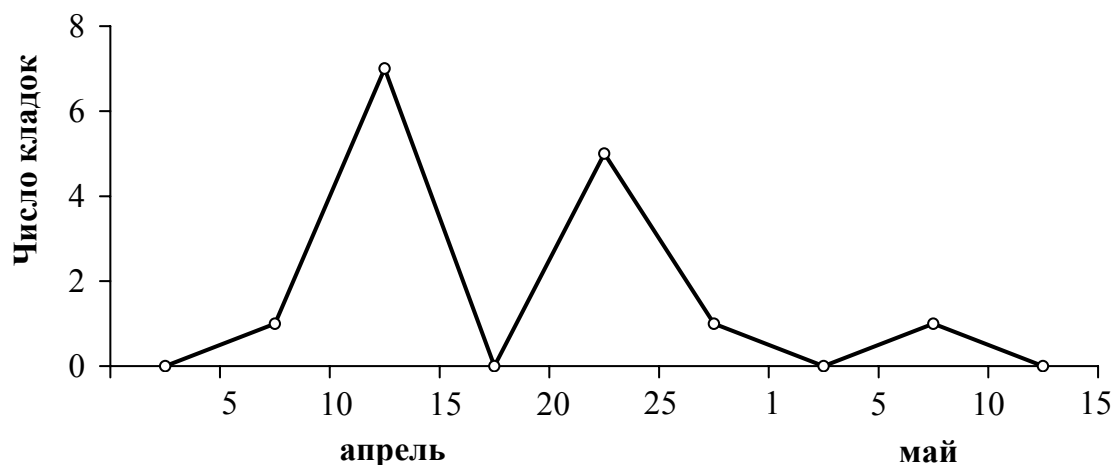

Рис. 1. Распределение сроков завершения кладки в гнездах чибиса по данным для Южного Приморья

В Южном Приморье в гнездовом цикле чибиса хорошо заметны два пика гнездования (см. рисунок). Первый пик приходится на период между 10 и 15 апреля, второй наблюдается спустя 1-2 недели, между 20 и

25 апреля. Причиной второго пика появления кладок у чибиса, очевидно, является повторное гнездование спустя некоторое время после гибели первых кладок.

Сезонная динамика распределения и численности чибиса в агроландшафте Южного Приморья выглядит следующим образом. К началу размножения, в первой половине апреля, на Приханкайской равнине наблюдается временная миграционная концентрация этого вида, его численность в этот период здесь в 4.1 раза выше гнездовой. В Михайловском районе подобное превышение численности за счёт ещё не завершивших миграцию особей менее выражено и составляет 2.7 раза. Вскоре после появления пуховых птенцов, что у большинства пар наблюдается между 6 и 28 мая, подавляющая часть гнездившихся в агроландшафте чибисов уводит выводки в более увлажнённые места, где обеспеченность кормом, как известно, выше (Galbraith 1988). В этот период, в агроландшафте в большинстве местообитаний происходит заметное постепенное снижение численности, и только в наиболее увлажнённых типах местообитаний, таких как залитые рисовые поля, заливные луга, а также берега водоёмов, в течении июня наблюдается более чем 3-кратное увеличение численности чибиса. С конца июня уже лётные выводки чибиса покидают район гнездования, и в июле-августе численность этого вида в агроландшафте крайне низкая. В то же время среди обширных водно-болотных угодий, где на гнездовании чибис обычно отсутствует, в этот период наблюдались крупные скопления ставших самостоятельными выводков этого вида.

Травник *Tringa totanus*

Основной район обитания травника в Уссурийском крае приурочен к низменным участкам побережья озера Ханка. Южнее, в бассейне Раздольной, его численность заметно ниже, и лишь кое-где на низменных участках морского побережья в верхних углах Амурского и Уссурийского заливов он столь же обычен, как и на Ханкайском побережье (Назаров и др. 1996; Нечаев 1997; Вялков и др. 2003; Глущенко и др. 2006). На гнездовании в агроландшафте, по сравнению с чибисом, травник придерживается более влажных мест. В отличие от чибиса, регулярно селится среди обширных плавневых болот, а не только по их окраинам. Крупных разреженных колоний у травника нам наблюдать не приходилось, чаще всего они насчитывали от 2 до 4 пар, нередко было также одиночное гнездование. Часто травник селился в одних поселениях с чибисом, но также наблюдались и территориально разобщённые группировки, ввиду некоторой разницы в предпочитаемых гнездовых станциях. В восточной части Приханкайской равнины травник немного уступал в численности чибису, но в то же время межгодовые колебания его численности были заметно менее выраже-

ны. В целом по открытым местообитаниям его численность варьировала в разные годы (2002-2004, 2008-2009 гг.) от 2 до 3.4, в среднем составив 2.68 ± 0.55 пар/км². Как и у чибиса, распределение гнездящихся пар в пределах открытых станций было здесь довольно равномерным: среди обширных плавневых болот – 2.5 пар/км², на заливных лугах – 2.5, на сенокосах, пастбищах и суходольных лугах – 5.2, на суходольных полях – 2.2, на рисовых полях – 1.8. На юге Приханкайской равнины травник был сравнительно обычен в прилежащих к побережью участках агроландшафта, где в 2003 году учтено 3.1 пар/км², но уже на расстоянии 4-5 км от побережья становится редок. В Михайловском районе плотность населения травника в агроценозах существенно ниже, она также мало менялась по годам (2000-2002 гг.), варьируя от 0.6 до 0.8 и в среднем составив 0.71 ± 0.19 пар/км². Следует отметить, что полученные нами оценки плотности населения травника на Приханкайской равнине очень сходны с теми, что были получены здесь в 1970-е годы (Глущенко 1979; Назаров и др. 1996). Поэтому мнение о заметном росте численности этого вида в последние 30 лет (Глущенко и др. 2006) выглядит как преувеличение.

Поручейник *Tringa stagnatilis*

В Приморье на гнездовании поручейник отмечался исключительно на побережье озера Ханка (Шульпин 1936; Глущенко 1979; Назаров и др. 1996; Глущенко и др. 2006). Основные местообитания вида здесь приурочены к плавням с негустой растительностью на восточном побережье. В агроландшафте на побережье Ханка на гнездовании отмечается заметно реже. Ранее на рисовых полях наблюдались как отдельные пары, так и разрозненные группы в поселениях травника и чибиса (Глущенко 1979, 1982). Нами в 2002-2004 годах на рисовых полях и заливных лугах наблюдались только единичные пары. Средняя плотность населения этого вида в эти годы составляла 0.12 пар/км². Помимо этого, на сыром лугу по берегу искусственного водоёма в окрестностях села Абрамовка (река Абрамовка, верхний приток Илистой) одна пара поручейника гнездилась в 2002-2003 годах, а средняя гнездовая плотность составила 0.55 пар/км². Это первый известный случай гнездования этого вида за пределами Приханкайской равнины.

Малый зуёк *Charadrius dubius*

Малый зуёк на гнездовании в Приморском крае наиболее обычен по песчаным и песчано-галечниковым пляжам морских побережий, песчаным, реже илистым отмелям внутренних водоёмов, пляжам средних и нижних участков рек с умеренным течением. В агроландшафте наиболее часто занимает редко используемые грунтовые дороги, заброшенные строительные площадки, карьеры, пустыри или низко-

травяные луга с угнетённой растительностью, участки пашен. На Приханкайской равнине плотность населения вида в подобных условиях была низкая, в 2002-2004 годах в сельскохозяйственных угодьях на восточном побережье она варьировала от 0.08 до 0.42, в среднем составив 0.2 ± 0.19 пар/км². В Михайловском районе плотность населения малого зуйка в агроландшафте заметно выше, в 1998-2006 годах она варьировала от 0.38 до 1.4, в среднем составив 0.7 ± 0.4 пар/км². На мелиорированных землях, бывших сельскохозяйственных угодьях в среднем течении Раздольной в 2006 году – 0.49 пар/км². На граничащих с песчаными пляжами реки Раздольной возделываемых и брошенных полях и пастбищах в пригороде Уссурийска – 1.6 пар/км².

Дальневосточный кроншнеп *Numenius madagascariensis*

В Южном Приморье основным местом гнездования дальневосточного кроншнепа являются плавневые осоково-вейниковые травяные болота побережья озера Ханка. Здесь он селится в местообитаниях, несколько отличных от тех, что являются предпочтительными для размещённых севернее популяций, где дальневосточный кроншнеп связан преимущественно с моховыми болотами (Нечаев 1974; Винтер 1980; Пукинский 2003; Антонов 1999; Антонов, Уета 1999). Гнездящаяся популяция очень невелика и для 1980-х годов оценивалась приблизительно в 50 пар (Глущенко 1982). На восточном побережье, среди травяных плавневых болот в 2004 году («Ханкайский» заповедник, участок «Журавлиный») плотность населения вида, по нашим данным, составила 1.98 пар/км², на южном побережье (устье Комиссаровки, участок заповедника «Сосновый») – 0.8 пар/км². В агроландшафте восточной части Приханкайской низменности дальневосточный кроншнеп отмечался только на участках многолетних залежей, непосредственно примыкающих к участкам плавневых болот, где в 2003-2009 годах наблюдались поселения, насчитывавшие до 3 гнездящихся пар. На таких участках многолетних залежей в 2002-2009 годах плотность его населения варьировала от 0 до 0.7, в среднем 0.33 ± 0.56 пар/км². В целом по агроландшафту на восточном побережье озера Ханка средняя плотность населения дальневосточного кроншнепа составила 0.13 пары на 1 км². На южном побережье озера (устье и нижнее течение Мельгуновки) в 2001 и 2004 годах пара дальневосточных кроншнепов в агроландшафте селилась на сыром лугу в окрестностях села Стародевица, на участке, непосредственно примыкающем к массиву травяных болот в устье реки Мельгуновки. Другая пара наблюдалась в июне 2003 года на засеянном овсом поле. В целом в агроландшафте на южном побережье Ханки плотность населения дальневосточного кроншнепа в 2001, 2003, 2004 годах варьировала от 0.06 до 0.16 пар/км², в среднем составив 0.098 пар/км².

Ходулочник *Himantopus himantopus*

В Приморском крае ходулочник – редкий и нерегулярно гнездящийся вид. Наиболее обычен на озере Ханка, где регистрировать его начали с 1972 года (Поливанова, Глущенко 1977), однако с этого времени никаких тенденций в его численности не прослеживается, и здесь суммарно гнездится не более 20 пар (Глущенко и др. 2006). Южнее, в окрестностях Уссурийска и на побережье Уссурийского и Амурского заливов гнездится локально и нерегулярно (Нечаев 1997; Вялков и др. 2003). В годы наших работ (2002-2004, 2008) ходулочник наблюдался в восточной части Приханкайской низменности, главным образом на рисовых полях. Группировки гнездящихся или проявляющих территориальную привязанность птиц насчитывали от 3 до 6 пар. В среднем по сельскохозяйственным угодьям плотность населения ходулочника варьировала здесь от 0.28 до 0.77, в среднем 0.59 пар/км².

Литература

- Антонов А.И. 1999. Предварительные итоги изучения дальневосточного кроншнепа *Numenius madagascariensis* на Архаринской низменности в 1999 году // *Рус. орнитол. журн.* 8 (84): 14-15.
- Антонов А.И., Уета М. 1999. Биотопическое распределение, гнездовое поведение и сроки размножения дальневосточного кроншнепа *Numenius madagascariensis* в Среднем Приамурье // *Рус. орнитол. журн.* 8 (61): 18-21.
- Вялков А.В., Глущенко Ю.Н., Коробов Д.В. 2003. Материалы к изучению некоторых гнездящихся видов околоводных и водоплавающих птиц окрестностей г. Уссурийска // *Животный и растительный мир Дальнего Востока. Уссурийск*, 7: 39-48.
- Глущенко Ю.Н. 1979. О птицах рисовых полей Приханкайской низменности // *Биология птиц Дальнего Востока СССР*. Владивосток: 56-66.
- Глущенко Ю.Н. 1982. Гнездящиеся кулики бассейна озера Ханка // *Орнитология* 17: 162.
- Глущенко Ю.Н., Шибнев Ю.Б., Волковская-Курдюкова Е.А. 2006. Птицы // *Позвоночные животные заповедника «Ханкайский» и Приханкайской низменности*. Владивосток: 77-233.
- Мищенко А.Л., Суханова О.В., Зубакин В.А., Волков С.В. 2004. Мониторинг численности куликов в Виноградовской пойме в период деградации сельского хозяйства // *Кулики Восточной Европы и Северной Азии: изучение и охрана: Тез. докл. 4-го совещ.* Екатеринбург: 40-41.
- Назаров Ю.Н., Казыханова М.Г., Куриный В.Н. 1996. Заметки о гнездящихся водоплавающих и околоводных птицах Южного Приморья // *Птицы пресных вод и морских побережий юга Дальнего Востока*. Владивосток: 103-119.
- Назаренко А.А. 1999. Хозяйственная деятельность как фактор роста биоразнообразия фаун и сообществ птиц на восточной окраине Азии: приглашение к дискуссии // *Вестн. ДВО РАН* 1: 22-30.
- Нечаев В.А. 1974. К распространению и биологии некоторых птиц Нижнего Амура // *Фауна и экология наземных позвоночных юга Дальнего Востока СССР*. Владивосток: 145-154 [Тр. Биол.-почв. ин-та 17 (120)].

- Нечаев В.А. 1997. Новые сведения о распространении некоторых птиц Южного Приморья // *Животный и растительный мир Дальнего Востока*. Уссурийск, 3: 92-95.
- Нечаев В.А. 1997. Гнездование ходулочника *Himantopus himantopus* на побережье Японского моря // *Рус. орнитол. журн.* 6 (6): 6-8.
- Поливанова Н.Н., Глушценко Ю.Н. 1977. Гнездование ходулочника на оз. Ханка // *Бюл. МОИП. Отд. Биол.* 84, 3: 85-87.
- Пукинский Ю.Б. 2003. *Гнездовая жизнь птиц бассейна р. Бикин*. СПб.: 1-316.
- Равкин Е.С., Челинцев Н.Г. 1990. *Методические рекомендации по комплексному маршрутному учету птиц*. М.: 1-33 с.
- Свиридова Т.В. 2004. Влияние методов сельскохозяйственной практики на гнездящихся куликов в Московской области // *Кулики Восточной Европы и Северной Азии: изучение и охрана: Тез. докл. 4-го совещ.* Екатеринбург: 47-48.
- Свиридова Т.В., Кольцов Д.Б. 2005. История природопользования и современное состояние птиц сельскохозяйственного ландшафта Дединовско-Белоомутовской поймы (КОТР «Дединовская пойма р. Оки») // *Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитологических территорий России*. М., 5: 134-166.
- Шульпин Л.М. 1936. *Промысловые, охотничьи и хищные птицы Приморья*. Владивосток: 1-436.
- Galbraith H. 1988. Adaptation and constraint in the growth pattern of Lapwing *Vanellus vanellus* chicks // *J. Zool.* 215: 537-548.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 486: 870-873

Использование озёрными чайками *Larus ridibundus* специализированных движений лап при добывании корма на мелководье

А.Г.Резанов

Кафедра биологии животных и растений, Московский городской педагогический университет, ул. Чечулина 1, Москва, 119004, Россия. E-mail: RezanovAG@cbf.mgpu.ru

Поступила в редакцию 30 мая 2009

Чайки *Larus* spp., добывая корм на мелководье, иногда используют особые движения ног, вызывающие взмучивание воды (Crook 1953; Vernon 1972) и т.н. «локальный пищевой апвеллинг», т.е. подъём к поверхности мелких пищевых объектов, например, *Hydrobia*, *Corophium*, *Scoloplos* (Tinbergen 1962). В англоязычной орнитологической литературе такие движения ног обозначаются как «foot-paddling», что на русский язык можно перевести как «шлёпанье, или загребание, или топанье ногами/лапами» (Мюллер 2008). Кормясь на лугу, чайки

также используют foot-paddling (Frieswijk 1977). По-видимому, для кормёжки птиц на мелководье «foot-paddling» корректнее переводить как «шлёпанье или загребание», а для кормёжки на суше – как «топанье» (см.: Кузнецов 2004). В словаре терминов по кормовому поведению птиц (Simmons 1983) отмечается, что foot-paddling заключается в попеременных ударах лапами. Такое поведение характерно для чаек, кормящихся на мелководье, грязи, в траве (не путать с «foot-trembling» или «foot-pattering» ржанок и чибисов). «Pattering» переводится как «частый стук, топотание» (Мюллер 2008). Иногда указанные термины трактуются несколько иначе. Так у *Larus philadelphia* (King 1973), *Rhodostetia rosea* (King 1974) и *L. argentatus* (Adams 1950) foot-paddling описывается как плескание по воде только одной ноги. Boyle (1951) в названии статьи использует термин «paddling», а в тексте, дополнительно, «patter». Harber (1950), описывая кормовое поведение *Larus minutus*, использует термин «patter». В целом «foot-paddling» оценивается как врождённая реакция чаек, используемая при разыскивании корма (Buckley 1966).

Ниже приведены наблюдения автора, сделанные в различные годы над использованием озёрными чайками *Larus ridibundus* ног при добывании корма.

В мае 1976 года недалеко от станции Озерки (Московская обл., Истринский р-н) группа озёрных чаек кормилась на грязевой отмели. Одна из птиц несколько раз часто вибрировала вытянутой вперед лапой (топотание, foot-pattering) по поверхности субстрата. Такие действия характерны для чибисов *Vanellus* spp., зуйков *Charadrius* spp., но не для чаек (Резанов 1990).

Солнечным жарким днём 3 июля 1987 на мелководном разливе Волги у плотины (в районе Чебоксар) около самого берега кормились две озёрные чайки. Одна из птиц заходила в воду, иногда по грудь, и использовала «топанье» (foot-paddling) – внешне это выглядело как переваливание с боку на бок. После серии «топаний» чайка медленно отступала назад и делала частные клевки (2-3 раза в 1-2 с), выхватывая что-то из поднимающейся со дна мути.

1 декабря 2008 на мелководье у берегового уреза реки Москвы (Москва, Коломенское) кормилась одиночная озёрная чайка. Глубина воды не превышала половину длины цевки. Иногда птица останавливалась и делала ногой в воде быстрые движения, похожие на разгребание-взбалтывание под себя (при этом лапка из воды не показывалась за всё время данного локомоторного акта). Не было характерного «переваливания» с боку на бок, как при типичном шлёпанье (foot-paddling). Чайка попеременно работала ногами вперед-назад (под себя), не вынимая их из воды, потом делала прямо перед собой, не сходя с места, клевки. Впечатление, что птица по несколько раз часто гребёт

ногой под себя, взмучивая при этом воду. Такие действия птицы можно расценить как «загребания» (сильные размашистые движения в воде лапами – Кузнецов 2004) ногами под себя.

Сделаны две видеозаписи поведения чайки общей продолжительностью 41 с. Из них 24-25 с, чайка затратила на движения ногами. Пошаговый просмотр записи позволил фиксировать промежутки времени по 0.07 с (1 «шаг»). Полное движение (загребание) ногой длилось 0.14 с, т.е. 2 «шага». Таким образом, в общей сложности чайка сделала 171-178 гребков ногами. Серии взбалтываний длились 1-7, обычно 1-3 с, после чего чайка что-то выклёвывала из воды. Всего было проделано 10-11 серий взбалтываний и сделано 33 клевка. Во время клевков чайка погружала в воду клюв на глубину от одной трети до всей длины клюва, иногда поводила в сторону опущенным в воду клювом. В последующие дни эти озёрные чайки кормились возле уреза воды на плаву, не используя специализированных движений ногами.

Литература

- Кузнецов С.А. (ред.) 2004. *Современный толковый словарь русского языка*. М.: 1- 960.
- Мюллер В.К. 2008. *Англо-русский словарь: Полная версия*. М.: 1-912.
- Резанов А.Г. 1990. Способы добывания корма у озёрной чайки // *Орнитологические исследования в Ср. Поволжье*. Куйбышев: 52-65.
- Adams R.G. 1950. Herring-Gull «paddling» on grass // *Brit. Birds* **43**, 5: 163.
- Boyle G. 1951. «Paddling» action of Sandwich Terns // *Brit. Birds* **44**, 1: 34.
- Buckley P.A. 1966. Foot-paddling in four American gulls, with comments on its possible function and stimulation // *Z. Tierpsychol.* **23**, 4: 395-402.
- Cramp S., Simmons K.E.L. 1983. *Handbook of the Birds of Europe, the Middle East and North Africa. The Birds of the Western Palearctic. Vol. III. Waders to Gulls*. Oxford Univ. Press.: 1-913.
- Crook J.H. 1953. An observational study of the gulls of Southampton water // *Brit. Birds* **46**, 11: 385-397.
- Frieswijk J.J. 1977. Black-headed Gulls foot-paddling on grassland // *Brit. Birds* **70**, 6: 266.
- King B. 1973. Bonaparte's Gull (*Larus philadelphia*) in Cornwall «foot-paddling» to disturb organisms // *Brit. Birds* **66**, 10: 447.
- King B. 1974. Ross's Gull in Hampshire foot-paddling to disturb organisms // *Brit. Birds* **67**, 11: 477-478.
- King B. 1976. Further records of foot-paddling by gulls on grassland // *Brit. Birds* **69**, 5: 180-181.
- King B. 1980. Foot-paddling by pairs of Herring Gulls // *British Birds* **73**, 7: 312.
- Gregory P.A., Cantelo J. 1971. Sabine's Gull persistently «treading» to disturb organisms // *Brit. Birds* **64**, 2: 76-77.
- Harber D.D. 1950. Feeding behaviour of Little Gull // *Brit. Birds* **43**, 1: 25-26.
- Medcof J.C. 1949. «Paddling» – a method of feeding by Herring Gulls // *Auk* **66**, 2: 204-205.

- Simmons K.E.L. 1983. Food: feeding methods of the skuas, gulls, and terns (Lari) and auks (Alcae) // Cramp S., Simmons K.E.L. (Eds.) *The Birds of the Western Palearctic. Vol.III. Waders to Gulls*. Oxford Univ. Press.: 2-4.
- Tinbergen N. 1962. Foot-paddling in Gulls // *Brit. Birds* **55**, 3: 117-120.
- Vernon J.D.R. 1972. Feeding habitats and food of the Black-headed and Common Gulls. Part 2. Food // *Bird Study* **19**, 4: 173-186.
- Walker A.B. 1949. Herring-Gull «paddling» on grass field // *Brit. Birds* **42**, 7: 222-223.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 486: 873-875

О гнездовании удода *Урира ерорс* в искусственных гнездовьях

Н.Н.Березовиков, А.Ф.Ковшарь

Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии Центра биологических исследований Министерства образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Академгородок, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 16 мая 2009

В пустынных районах Казахстана и Средней Азии удоды *Урира ерорс* для устройства своих гнёзд используют дупла деревьев, норы в обрывах и курганах, всевозможные пустоты в домах, хозяйственных постройках, животноводческих зимовках, могилах, развалинах, колодцах (Дементьев 1952; Долгушин 1970; Сагитов 1990; Рустамов 2007). Наблюдения в 1987-1988 годах в долине реки Коба (100 км западнее Алма-Аты) показали, что в пустынных местностях в период размножения удоды охотнее всего тяготеют к чабанским зимовкам, где находят дефицитные в пустынях места для устройства своих гнёзд и благоприятные кормовые условия за счёт беспозвоночных – спутников домашних животных. Из 4 гнёзд удода, обнаруженных нами среди пустынной равнины, 2 располагались на земле под облицовочными плитами бетонных резервуаров артезианских колодцев, одно – в нагромождении валунов на краю оживлённой автомобильной трассы и ещё одно – в куче строительного мусора, выброшенного на обочине полевой дороги (Ковшарь, Березовиков 1996/97). Учитывая, что с момента прилёта у некоторых пар уходит 5-10 дней на поиск места для устройства гнезда, мы попытались из подручных средств сооружать для удодов искусственные гнездовья, которые они сразу же занимали.

В 1987 году на большой земляной куче рядом с чабанской зимовкой, где располагался наш стационар, мы устроили первое искусст-

венное гнездовье, представлявшее собой прорытый в земле ход длиной 70 см с гнездовой камерой в конце. Сверху это сооружение было накрыто куском шифера, присыпанного землёй. Спустя несколько дней, 24 апреля, державшаяся в районе зимовки пара удолов уже заняла это гнездовье и производила расчистку камеры, 27 апреля у них произошло спаривание, а на следующий день самка приступила к насиживанию. К сожалению, попытка гнездования была неудачной: утром 29 апреля самка оказалась съеденной каким-то хищником (вероятнее всего степным хорьком *Mustela evermanni*, жилистая нора которого располагалась 50 м), а само гнездовье было разрушено после этого краснохвостой песчанкой *Meriones libicus*, пытавшейся вырыть здесь свою нору. Вечером того же дня мы восстановили гнездовье. Самец удода продолжал держаться около него до 1 мая, активно токуя на бугре и временами забираясь внутрь. Уже 3 мая он в паре с новой самкой занял это гнездо, однако на следующий день она также была съедена хищником, а самец покинул это место.

В 1988 году первая брачная пара удолов у этой же чабанской зимовки появилась 8 апреля и в течение 10 дней занималась поиском места, подходящего для гнезда. На сухой глинистой поляне у самоизливающейся артезианской скважины в 100 м от зимовки из оставленной чабанами кучи кирпичей 15 апреля мы сложили искусственное гнездовье, представлявшее собой ход длиной 1 м и высотой 30 см с боковой камерой размером 30×35 см. Сверху гнездо было завалено множеством кирпичей. Уже 19 апреля удоды заняли эту постройку, утром 20 апреля в ней была подготовлена земляная ямка для гнезда, 22 апреля отложено первое яйцо, а 28 апреля – последнее, восьмое. Размеры яиц, мм: 26.6×17.2; 27.1×17.5; 25.3×18.0; 27.3×17.8; 27.1×17.7; 27.3×17.3; 25.3×17.9; 27.3×18.0. При осмотре 13 мая в насиживаемой кладке осталось 7 яиц, одно исчезло; 16 мая гнездо оказалось разоренным каким-то хищником и брошено: в гнезде лежало 4 холодных яйца, у входа – 2 яйца и ещё одно яйцо исчезло. В одном из яиц был вполне сформировавшийся и готовый к вылуплению птенец.

Приведённые факты свидетельствуют о том, что удоды в пустынных местностях охотно занимают сооруженные для них гнездовые укрытия, поэтому привлечение их в искусственные гнездовья можно с успехом практиковать в сельскохозяйственных ландшафтах.

Литература

- Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н. 1996/1997. Материалы по гнездованию птиц в долине реки Коба (юго-восточный Казахстан) // *Selevinia*: 121-133.
- Дементьев Г.П. 1952. Отряд Удоды – Урурае // *Птицы Туркменистана*. Ашхабад: 1-517.
- Долгушин И.А. 1970. Отряд Удоды – Урурае // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 3: 79-88.

Рустамов А.К. 2007. Отряд Удодообразные – Uropiformes // *Птицы Средней Азии*. Алматы, 1: 517-522.

Сагитов А.К. 1990. Семейство Удодовые Uropidae // *Птицы Узбекистана*. Ташкент, 2: 278-283.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 486: 875-877

Гималайская завирушка *Prunella himalayana* на Западном Алтае

Б.В.Щербаков

Союз охраны птиц Казахстана, проспект Ушанова, д. 64, кв. 221, Усть-Каменогорск, 492024, Казахстан. E-mail: biosfera_npk@mail.ru

Поступила в редакцию 10 мая 2009

Западная граница гнездового ареала гималайской завирушки *Prunella himalayana* на Западном Алтае проходит на широте Лениногорска (ныне – Риддер). Спорадически встречается на водоразделах Ивановского, Линейского, Холзунского и Ульбинского хребтов по каменистым тундрам, сплошным осыпям и скальникам вблизи снежников на высотах 2000-2500 м над уровнем моря. Отдельные пары поселяются в каменных «цирках», где почти отсутствует растительность.

Прилетают поздно, когда значительная часть гольцового пояса освобождается от снега, а на южных склонах появляется первая зелень. В разные годы гималайские завирушки появляются в разные сроки, что связано с характером весны. Например, в середине мая 1971, 1972 и 1975 годов большая часть горных склонов была покрыта снегом и завирушек ещё не было. В годы с ранней весной они прилетают несколько раньше. Первые по прилёте на Ивановском хребте отмечены 17 мая 1974. Держались парами вблизи подтаивающих снежников; 8-12 июня заняли гнездовые участки и подыскивали места для гнездования. Активно поющие самцы наблюдались 21 июня: они садились на выступающие камни, вершины кедрового стланика, взлетали и, развернув хвосты, с песней опускались на другое возвышенное место. У добытой самки яичник достигал 16×15 мм, наиболее крупный фолликул имел размеры 5×5 мм.

Гнёзда гималайские завирушки устраивают в углублениях почвы, под нависающими камнями или дерновиной. В одном случае над гнездом нависал кусок упавшего ствола. Размеры 4 гнёзд, см: наружный диаметр 7-15; внутренний диаметр 5-7, глубина лотка 3-6. Гнёзда

сооружаются из мха, лишайников, листьев злаков и тонких прутиков. Шерсти и конского волоса в них не найдено.

Полная кладка состоит из 7 яиц. Размеры 17 яиц, мм: 20-22×14-16, в среднем 21.0×15.2. Раннее гнездование отмечено 5 июня 1974 на Ульбинском хребте у Верхберёзовского (Малоульбинского) водохранилища (2200 м н.у.м.), где обнаружена кладка из 4 свежих яиц. На Ивановском хребте в дриадовой тундре с редкими выступами камней у «Медвежьей тропы» (2100 м) 12 июня 1972 найдено гнездо, устроенное в 1 м от гнезда лесного конька *Anthus trivialis*. В нём находилось 2 полуоперённых птенца весом 16.7 и 15.1 г. Требуя корма, они издавали крики, которые можно передать как «ча-ра-рак». Взрослые собирали корм в радиусе 100 м от гнезда, в основном у снежников. Каждый раз, подлетая к гнезду, они садились в 2-3 м и по земле подходили к нему. При осмотре гнезда через 30 мин в нём оставался только один птенец, другой был пойман в траве уже на расстоянии 2 м от него. На этом же хребте у вершин «Три Брата» (2100 м) 1 июля 1970 обнаружена насиженная кладка из 7 яиц. Гнездо помещалось на островке зелени среди каменистой осыпи. Другое гнездо, обнаруженное в верховьях реки Тургусун (2100 м), было скрыто нависающим кустиком карликовой берёзки. В нём 5 июля 1967 содержалось 4 свежих яйца. На горе Крестовой (Ивановский хребет, 2200 м) 8 июля 1969 в гнезде найдено 6 свежих яиц. Наиболее ранние слётки встречены здесь же 5 июля 1965. Завирушки, собирающие корм птенцам, отмечены 10-12 июля 1970 на Ивановском хребте в урочище Медвежья тропа (2100 м). У гнёзд они очень осторожны: заметив человека на расстоянии 50-70 м, проявляют беспокойство и выбрасывают принесённый корм (а не съедают, как это делает большинство птиц в таких случаях). Здесь же 18 июля 1971 наблюдались слётки, хвосты которых отросли наполовину, активно токующие самцы и пара, собирающая корм для птенцов. Лётные молодые на Ивановском хребте около Риддера отмечены 24 июля (Кузьмина 1953). Slётки, хвосты которых отросли наполовину, 19-23 июля 1973 наблюдались также в 3 семьях в истоках Белой Убы около Белоубинских озёр (2000-2200 м). Самостоятельные молодые в стайках от 5 до 20 особей отмечены с 31 июля по 5 августа 1971 на водоразделе Ивановского хребта между урочищем Палевое и Тургусунскими озёрами (2200 м), а также 4 июля 1974 и 21 июля 1973 на Белоубинских озёрах (2000-2100 м). Проявляющие беспокойство взрослые встречены на западных склонах Холзуна в верховьях речки Барсук (2500 м). На тундровом водоразделе Ивановского хребта напротив Тургусунских озёр 5 августа 1972 в курумниках у тригопункта отмечен поющий самец (Щербаков, Березовиков 2007). На вершине горы Синюхи (1960 м, Убинский хребет) одиночки встречались в курумниках 11-12 августа 1976 (Березовиков, Щербаков 2008).

У взятых 12 июня для клеточного содержания слётков уже 28 июля перья на груди и по бокам туловища линяли, а 5 августа отмечено пение. Птенцы охотно принимали солнечные ванны, особенно после 17 ч. Они ложились на пол освещённой солнцем клетки, раскидывали крылья и, открыв клюв, запрокидывали голову.

Отлёт гималайских завирушек приходится на конец августа – начало сентября. Наиболее поздняя стайка из 50-60 птиц встречена 10 сентября 1970 на горе Крестовой (2000-2100 м н.у.м.) у Лениногорска. У добытой молодой особи крайние рулевые перья были выпавшими. Мигрируют гималайские завирушки, вероятнее всего, верхними поясами хребтов, так как за все годы наблюдений мы ни разу не встречали их в поясе степных предгорий (400-1500 м).

В желудках 6 добытых завирушек были семена гречихи, осоки и другие неопределенные семена, а также кварцевые гастролиты. Наиболее крупные из них достигали 2×2 мм.

Литература

- Березовиков Н.Н., Щербаков Б.В. 2008. Орнитологические наблюдения в горно-таёжной части Западного Алтая в августе 1976 г. // *Каз. орнитол. бюл.* 2007: 275-278.
- Кузьмина М.А. 1953. Материалы по птицам Западного Алтая // *Тр. Ин-та зоол.* 2: 80-104.
- Щербаков Б.В., Березовиков Н.Н. 2007. Фауна птиц Западно-Алтайского заповедника // *Тр. Западно-Алтайского заповедника* 1: 41-87.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 486: 877-879

К статусу джека *Chlamydotis undulata* в России

Б.М. Губин

Второе издание. Первая публикация в 2001*

Азиатский подвид джека, или дрофы-красотки *Chlamydotis undulata macqueenii* (J.E.Gray, 1832) встречается на территории России вдоль западного и северного побережий Каспийского моря и по подножиям Алтая. Этот вид занесён в Красную книгу СССР, а соответственно, и Красную книгу России. На юго-восточной Алтае джек гнездится в Чуйской и Курайской степи (Козлова 1935; Сушкин 1938). В

* Губин Б.М. 2001. К статусу джека в России // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 194-195.

Туве впервые два джека встречены в районе озера Успа-нур (Янушевич 1952). Позднее, 5 июня 1957, около озера Тере-Холь добыта самка, при которой было 2 птенца (Спасский, Сонин 1959). В первой половине июля 1959 г. одиночный самец и самка с 2 птенцами встречены у озера Убеа-нур и близ посёлка Самагалтай (Флинт 1965). Затем самка с 1 птенцом встречена юго-западнее озера Шаранур 18 июля 1979, другая отмечена с 2 птенцами на левобережье реки Тес-Хем южнее Цыган-Тологой 12 июля 1979, самка-одиночка зарегистрирована близ границы с Монголией в середине мая 1989 (Баранов 1988).

На пустынных пространствах Каспийского региона джек наиболее часто встречался в конце XIX – начале XX века, как, например, в степи близ Саратова, Царицына (Волгограда) и Астрахани (Зарудный 1888; Бостанжогло 1911; Спангенберг 1951) и даже в Оренбургском крае. Часто встречался в Калмыцких степях (Мензбир 1900). Не исключено, что он даже гнезился на острове Тюлений (Мензбир 1895). В коллекции П.И.Жукова имеется тушка молодого самца в свежем пере, убитого в сентябре 1908 года близ Владикавказа у хутора Татарского на реке Камбилеевке (Бёме 1926). Это второй случай залёта джека на Северный Кавказ, первый указывается для Кубанской области (Спангенберг 1951, с. 152). Следует заметить, что раньше джек гнезился в низменной Армении в Сарда-Абадской степи и по долине Аракса (Бобринский 1915; Ляйстер, Соснин 1942), откуда известны встречи птиц с птенцами.

В годы Советской власти джека встречали зимой 1962 г. в Краснодарском крае близ Геленджика у моря на винограднике и 7 мая 1966 стайку из 4 особей (одна из них добыта) отмечали в Краснодарском крае между станциями Динская и Ладожская (Очаповский 1986). В Дагестане до 1963 года этих птиц встречали в мае в Ногинской степи (Пишванов, Прилуцкая 1986).

Не исключено, что в небольшом числе джек гнезился, а возможно, и продолжает гнездиться сейчас в Калмыкии, где вполне достаточно подходящих для его обитания условий. Так, в пик сезона размножения вида в 1992 году в рядовых закреплённых полынью и жузгунами песках, тянущихся вдоль реки Кумы, В.А.Морозов, знающий эту птицу по Казахстану, на автомаршруте видел 2 мая одиночку джека в Нефтекумском районе Ставропольского края, а 3 мая ещё двух одиночек в Калмыкии между посёлком Рыбачье и Кумской. Все эти особи были токовыми самцами.

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что только в Туве этот вид, без сомнения, является гнездящимся. В Дагестане и Калмыкии, а возможно, и в приграничных с Казахстаном Астраханской и Волгоградской областях, имеются все необходимые предпосылки для размножения джека. Нужны специальные орнитологические исследо-

вания в указанных регионах для выяснения численности микропопуляций джека и окончательного прояснения статуса этой чрезвычайно осторожной и редкой птицы в России.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 486: 879-881

Современное распространение и некоторые черты экологии степной пустельги *Falco naumanni* на Южном Урале

А.В.Давыгора

Второе издание. Первая публикация в 2001*

Материалы для настоящего сообщения собраны в 1980-1990-е годы в степях Южного Урала на территории Оренбургской области России, Западно-Казахстанской и Актюбинской областей Казахстана. Найдено 5 колоний, в которых постоянно обитало до 22 пар степной пустельги *Falco naumanni*, отмечено 2 случая гнездования одиночных пар, 6 гнёзд обнаружено другими исследователями (Бердников 1983; Гавлюк 1989; Корнев, Коршиков 1999; В.Ильин, Е.Барбазюк, устн. сообщ.). Одна из колоний, расположенная в надгробиях двух казахских могил, известна с 1992 года в степи у озера Сулуколь (Западно-Казахстанская обл.). Четыре другие и одиночная пара найдены в 2000 году на казахских кладбищах в долине нижнего течения реки Ор в Оренбургском степной Зауралье. Одиночно гнездящиеся пары отмечены при устье реки Таналык, на ручье Кутебай западнее города Ясный, в долине реки Сакмары у села Ибрагимово, в верховьях реки Шыбынды (приток Илека), на участке «Ащисайская степь» заповедника «Оренбургский», в долине среднего течения Иргиза близ аула Ушпура. Таким образом, как и в прошлом (Зарудный 1988), основным местом гнездования степной пустельги в регионе по-прежнему являются ниши сложенных из камней надгробий и изгородей казахских могил. Здесь найдено 22 гнезда (73.3% от общего числа). В скальных нишах отмечено 4 (13.3%) случая гнездования. По одному гнезду (3.3%) обнаружено под автодорожным мостом, в промоине насыпи пруда, под крышами зимней кошары и одиночной постройки в степи.

* Давыгора А.В. 2001. Современное распространение и некоторые черты экологии степной пустельги на Южном Урале // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 202-203.

Особо следует подчеркнуть, что пригодные для заселения степной пустельгой надгробия и изгороди из каменной кладки сооружались на казахских кладбищах, за редким исключением, до начала 1960-х годов, что совпадает с началом резкого сокращения численности этого хищника. Появившиеся со второй половины 1960-х изгороди из Кирпичной кладки лишены ниш, пригодных для устройства гнёзд. Таким образом, одной из главных причин резкого сокращения численности степной пустельги в открытых ландшафтах Южного Урала и прилегающих районах Казахстана является изменение конструкции надгробий казахских захоронений. Существенную роль сыграло также, видимо, резкое сокращение числа уединённых кошар, зимовок и их развалин, последовавшее за переходом казахского населения к оседлому образу жизни в 1930-е годы.

Всего найдено 6 заселённых степной пустельгой казахских кладбищ. На каждом из них гнездились от 1 до 7, в среднем 3.7 пары. Наименьшее расстояние между обитаемыми гнездовыми нишами отмечено в надгробиях могил из кусков мела у озера Сулуколь – 1.5, 2.0, 1.23 м. В изгородях из каменной кладки пары селятся более рассредоточено. Установлено, что одним из главных условий пригодности гнездовой ниши является наличие одного, чаще двух узких входных отверстий и системы внутренних полостей, позволяющей надёжно укрыться населяющей птице или птенцам в случае опасности.

В выводках перед вылетом ($n = 12$) отмечено от 2 до 4, в среднем 3.08 птенца. В питании птенцов значительную долю составляют прямокрылые – кузнечик серый *Decticus verrucivorus* и прус итальянский *Calliptamus italicus*, единично встречаются дыбка степная *Saga pedo* и красотел степной *Calosoma denticolle*, круглоголовка-вертихвостка *Phrynocephalus guttatus*.

Существенную роль в ограничении численности степной пустельги, учитывая её трансконтинентальные миграции и зимовки в районах интенсивного земледелия, играет, видимо, химическое загрязнение среды. В единичной пробе скорлупы яйца с погибшим эмбрионом из колонии степной пустельги по реке Орь, оказалось повышенное содержание свинца (11.8 мкг/кг), а в грунте выстилки гнезда – цинка (90 мг/кг). В одном из выводков обнаружен птенец, поражённый инфекцией (?) не установленной этиологии: по всему краю надклювья и прилегающим участкам нёба у него имелись крупные локальные разрастания рогового слоя, часть из которых кровоточила и была сильно загрязнена. После вылета молодые некоторых выводков держатся на степных дорогах, где большую опасность для них представляет проезжающий автотранспорт.

В заключение следует отметить уникальность поселения степной пустельги из 4 колоний (15 пар), найденного нами в 2000 году в степях

долины реки Орь. Расположены они на компактном участке площадью всего 10-15 км². Учитывая критерии выделения ключевых орнитологических территорий и оценку численности степной пустельги в Российской Федерации в 70-150 пар (Viber 1994), данному району следует присвоить статус КОТР всемирного значения, с последующим созданием здесь ООПТ федерального или регионального ранга. По нашим подсчётам, в российской части степей Южного Урала гнездится не менее 50 пар степной пустельги, что в совокупности с данными из других частей ареала свидетельствуют о необходимости пересмотра оценки современной гнездовой численности вида в РФ в сторону её некоторого увеличения.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 486: 881-882

Линяющий серый журавль *Grus grus* на Нигуласком верховом болоте

А.Лейвитс

*Второе издание. Первая публикация в 1989**

Достоверных данных о линьке серого журавля *Grus grus* на территории Эстонии до настоящего времени не было. 29 мая 1984 в Нигуласком заповеднике на сенокосном лугу в 50 м от верхового болота автором был обнаружен серый журавль, сидевший затаившись среди растительности. Он не пытался убежать, поэтому был легко пойман. Птица оказалась взрослой, интенсивно линяющей особью, потерявшей способность к полёту. У неё менялось большинство маховых перьев. Все первостепенные маховые были в виде едва начинавших раскрываться пеньков (длина кисточки 1-2, трубочки – 40-50 мм). Все второстепенные маховые, за исключением не выпавших ещё самых внутренних украшающих (третьестепенных) перьев, были в виде пеньков (в стадии «трубочки»). На той же стадии развития находились перья крылышка, а также большие верхние кроющие первостепенных и второстепенных маховых. Большинство других перьев крыла старые. Среди рулевых в пеньках были только два крайних, остальные – старые.

Описанная птица была, по-видимому, неразмножающейся. В сезон размножения на Нигуласком болоте держатся стаи (до 50 особей) та-

* Лейвитс А. 1989. Линяющий серый журавль на Нигуласком верховом болоте // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* 21: 172-173.

ких журавлей. Ни в одной из трёх гнездящихся здесь пар особи, не способные летать, отмечены не были.

Можно предположить, что линька серого журавля на эстонских верховых болотах – не исключительный случай, а распространённое явление. Очень скрытный образ жизни птиц в этот период затрудняет обнаружение мест их линьки. До упомянутой находки были косвенные свидетельства линьки журавлей на Нигуласком болоте: 29 мая 1981 там наблюдали бегавшую, «не хотевшую летать» особь; ежегодно автор находил потерянные птицами одиночные первостепенные маховые. На расположенном рядом болоте Кодая В.Лиллелехт (устн. сообщ.) также находил маховые перья. На болоте Кыйма Э.Лелов (устн. сообщ.) видел «не хотевших летать» бегающих журавлей.

В заключение следует сказать, что, поскольку линька серого журавля практически не изучена, очень ценен каждый новый достоверный факт о ней.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 486: 882-883

Узорчатые полозы *Elaphe dione* в колонии береговушек *Riparia riparia* на Северском Донце

В.П.Белик, В.В.Трофименко

Второе издание. Первая публикация в 1999*

Лазающие полозы рода *Elaphe* хорошо известны как хищники, регулярно добывающие птиц, их яйца и птенцов, за которыми часто взбираются на деревья, в дупла (Банников и др. 1977; Щербак 1988; и др.). Нами в низовьях Северского Донца в 1999 году обнаружено довольно плотное поселение узорчатых полозов *Elaphe dione*, которые адаптировались к хищничеству на береговых ласточках *Riparia riparia* в их колонии. Вблизи станицы Нижнекундрюченской Усть-Донецкого района, в обширной излучине Северского Донца, подмывающего в урочище Огиб надпойменную песчаную террасу, образовался мощный береговой обрыв высотой до 3-4 м протяжённостью около 1 км. Его издавна облюбовали под свою колонию береговушки, гнездящиеся здесь на постоянном месте уже не менее 25 лет (одним из авторов колония впервые осмотрена в 1977 году). Численность птиц в

* Белик В.П., Трофименко В.В. 1999. Узорчатые полозы в колонии береговушек на Северском Донце // *Кавказ. орнитол. вестн.* 11: 213.

колонии, по ориентировочной оценке, колебалась от 2 (1989, 1994 гг.) до 3-5 тыс. пар (1998 г.), а в 1999 году здесь было учтено около 4500 свежих гнездовых норок. Благодаря ежегодной русловой эрозии Береговой обрыв с колонией в весенние паводки постоянно разрушается, в нём не остаётся старых нор с гнездовыми паразитами ласточек, и птицы имеют возможность всё время заселять его, не меняя места гнездования и не снижая численности. Возможно, именно этим и объясняется формирование локальной популяции узорчатых полозов, тесно связанных с береговушками. Узорчатый полоз в Ростовской области является довольно редким видом, встречи с которым здесь отмечаются нерегулярно и далеко не ежегодно (Гуськов и др. 1983; Лукина 1996; Т.Белик 1997). В колонии же береговушек 31 мая – 1 июня 1999 были встречены сразу 4 особи, в том числе одна беременная самка. Три полоза держались среди глыб земли у подножия обрыва, а один самец выглядывал из норы береговушек. Кроме того, в траве на бровке обрыва найдено ещё несколько «выползков» полозов. Полоз, отловленный утром в норе, только что проглотил взрослую, пойманную им на гнезде береговушку, туловище и череп которой хорошо просматривались и прощупывались сквозь кожу змеи. Через несколько дней непереваренные остатки береговушки, состоявшие в основном из маховых перьев, были выброшены полозом с фекалиями наружу.

